

3.3. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА ГРАЖДАН РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА НА ОБРАЩЕНИЕ В ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Актуальность темы обусловлена и тем, что Европейский Суд по правам человека, рассмотрев жалобы физических и юридических лиц, своими постановлениями, вынесенными до 31 декабря 2017 года, обязал Республику Молдова выплатить заявителям компенсации в размере более 300 миллионов леев.

И хотя часть (5) ст. 2 закона Республики Молдова «О возмещении государством вреда, причиненного нарушением права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного решения в разумный срок» № 87 от 21.04.2011 года даёт государству право предъявить регрессные требования к виновному лицу, ещё ни с одного судьи, прокурора или судебного исполнителя, по вине которых с Республики Молдова был взыскан материальный и моральный вред, не был взыскан вред по регрессным искам [1].

Изложение основного материала. Парламент Республики Молдовы принял постановление № 1298-XIII от 24.07.1997 года «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также дополнительных протоколов к данной Конвенции» [2].

В статье 1 постановления Парламента Республики Молдовы № 1298-XIII от 24.07.1997 года указано: «Ратифицировать Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, заключенную в Риме 4 ноября 1950 года, измененную протоколами № 3 от 6 мая 1963 года, № 5 от 20 января 1966 года, № 8 от 19 марта 1985 года и дополненную Протоколом № 2 О наделении Европейского суда по правам человека компетенцией выносить консультативные заключения от 6 мая 1963 года, являющимися частью Конвенции, а также Первый дополнительный протокол к Конвенции, подписанный в Париже 20 марта 1952 года, Протокол № 4 к Конвенции, который признает некоторые права и свободы, иные чем те, которые уже включены в Конвенцию, и Первый дополнительный протокол к Конвенции, подписанный

в Страсбурге 16 сентября 1963 года, Протокол № 6 Об отмене смертной казни, подписанный в Страсбурге 28 апреля 1983 года, Протокол № 7, подписанный в Страсбурге 22 ноября 1984 года, и Протокол № 11 О реорганизации контрольного механизма, установленного Конвенцией, подписанный в Страсбурге 11 мая 1994 года, со следующими декларациями и оговорками:

1. Республика Молдова заявляет, что не сможет обеспечить соблюдение положений Конвенции в отношении упущений и актов, совершенных органами самопровозглашенной приднестровской республики на территории фактически контролируемой этими органами, до полного разрешения приднестровского конфликта.

2. На основании ст. 64 Конвенции Республика Молдова делает оговорку к ст. 4, сохраняющую возможность применения уголовного наказания в виде исправительных работ без лишения свободы, как это предусмотрено ст. 27 Уголовного кодекса Республики Молдова (далее – УК РМ), и соответственно административного наказания в виде исправительных работ, как это предусмотрено ст. 30 Кодекса Республики Молдова о правонарушениях (далее – КоП РМ) № 218-XVI от 24.10.2008 года. Оговорка будет действовать в течение одного года со дня вступления Конвенции в силу для Республики Молдова.

3. На основании ст. 64 Конвенции Республика Молдова делает оговорку к параграфу 3 ст. 5, сохраняющую право прокурора на выдачу ордера на арест, как это предусмотрено ст. 25 Конституции Республики Молдова [3] ст. 78 Уголовно-процессуального кодекса Республики Молдова (далее – УПК РМ) и ст. 25 закона «О прокуратуре» № 902-XII от 29 января 1992 года. Оговорка будет действовать в течение шести месяцев со дня вступления Конвенции в силу для Республики Молдова.

4. На основании ст. 64 Конвенции Республика Молдова делает оговорку к ст. 5, сохраняющую возможность наложения дисциплинарных взысканий на военнослужащих в виде ареста вышестоящими командирами, как это предусмотрено ст. 46, 51-55, 57-61 и 63-66 Дисциплинарного устава Вооруженных сил, утвержденного законом № 776-XIII от 13 марта 1996 года.

5. Республика Молдова интерпретирует положения, содержащиеся во втором предложении ст. 2 Первого дополнительного протокола к Конвенции, как не налагающие на государство дополнительных финансовых обязательств в отношении школьных учреждений философской или религиозной направленности, кроме предусмотренных национальным законодательством».

Конвенция о защите прав человека и основных свобод и Протоколы к ней гарантируют защиту прав человека и основных свобод, предусмотренных Конвенцией и Протоколами к данной Конвенции, которые ратифицировала Республика Молдова, если данные права были нарушены после ратификации Республикой Молдова Конвенции и протоколов к ней и были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты.

Физические и юридические лица могут подавать индивидуальные жалобы в Европейский Суд по правам человека против Республики Молдова при соблюдении следующих условий.

1. Республика Молдова нарушила хотя бы одно из прав и свобод человека, гарантированных Конвенцией о защите прав человека и основных свобод или протоколами к этой Конвенции, ратифицированными Республикой Молдова.

2. Заявитель исчерпал все внутренние средства правовой защиты, предусмотренные законодательством Республики Молдова.

3. Индивидуальная жалоба подана в Европейский Суд по правам человека до истечения 6-месячного срока, установленного пунктом 1 ст. 35 Конвенции.

4. Индивидуальная жалоба соответствует формуляру индивидуальной жалобы, текст которой содержится в Правиле 47 Регламента Европейского Суда по правам человека [4].

Право на защиту является одним из фундаментальных прав человека, т.к. оно даёт возможность пользоваться всеми не запрещенными законом способами для защиты своих прав и свобод [5].

Проблема защиты прав человека всегда волновала умы философов, юристов, правозащитников различных времен и убеждений. Но все они сходятся во мнении, что невозможно

построение демократического, правового государства, где нет института защиты прав человека. Начиная свой путь с древнейших времен, институт права на защиту вырос из примитивного метода защиты прав – «самосуда» – до масштаба целой отрасли не только внутреннего, но и международного права [6].

По мнению И. А. Блиновой, институт защиты прав человека представляет собой комплексный межотраслевой правовой институт, регулирующий правоотношения, возникающие в результате реализации права человека на правовую защиту, в связи с нарушением основных прав человека, с целью их восстановления, компенсации, а также устранения препятствий для их дальнейшего использования [7]. Фундаментом института защиты прав человека служит конституционное право на защиту.

По мнению К. Гурина и И. Крянгэ, право на защиту – это одно из фундаментальных прав человека, прошедшее длительный путь становления в концепции развития прав и свобод человека. Среди правовых гарантий осуществления прав и свобод человека оно занимает центральное место и представляет собой установленную Конституцией совокупность социальных возможностей личности пользоваться всеми не запрещенными законом способами для защиты своих интересов в сфере судопроизводства [8].

Одной из задач данного исследования является рассмотрение понятия и сущности права на защиту в его узком и широком значении, а также изучение составляющих его элементов.

Содержание конституционного понятия «право на защиту» многогранно. Автор книги «Юридическая защита прав человека», Т. Кырнац определяет право на защиту в узком и широком смысле. В узком смысле право на защиту – это пользование услугами защитника, а в широком – это сумма всех прав и процедурных правил, предоставленных лицу для защиты своих интересов, для того, чтобы доказать свою невиновность и защитить себя от предъявленных обвинений [9]. Этой же концепции придерживается и К. Гурин.

И. Мурару и Г. Янку определяют право на защиту как традиционно фундаментальное право в истории развития института прав и свобод человека, закрепленное в конституциях большинства стран мира [10].

Право на защиту, следуя конституционному положению ст. 26, включает в себя три элемента: самозащиту, право на судебную защиту и право на получение юридической помощи (право пользоваться услугами адвоката).

Рассмотрим первый элемент права на защиту. По мнению Н. М. Ковалева, формулировка части 2 ст. 26 «Каждый человек имеет право самостоятельно реагировать законными способами на нарушение своих прав и свобод» явно свидетельствует об институте самозащиты. Нормы о самозащите входят в различные отрасли права, такие, как гражданское, уголовное, трудовое, административное право и т. д., образуя в них комплекс взаимосвязанных юридических норм, регулирующих относительно самостоятельную совокупность защитных отношений, именуемых межотраслевым институтом самозащиты [11]. К. Гурин и И. Крянгэ уточняют, что право на самозащиту реализуется законными способами, то есть теми, которые предоставлены законом. В противном случае действие по самозащите, совершенное незаконными способами, наказывается законом [12]. В этом контексте В. П. Грибанов пишет о том, что защита прав по самой своей природе не может быть безграничной. Осуществление права на защиту в любом его проявлении также имеет свои пределы, ведь наша свобода всегда заканчивается там, где начинается свобода другого человека [13].

Второй элемент права на защиту носит процессуальный характер и представляет собой право на судебную защиту. Румынские правоведы И. Мурару и Г. Янку в своей монографии «Drepturile, libertățile și îndatoririle constituționale» отмечают, что не во всех конституциях право на защиту закреплено в разделе «права и свободы». В Конституциях Греции, Испании, Португалии право на защиту представляет собой принцип осуществления правосудия, который закреплен в разделе «Судебные органы» [14]. Право на защиту – очень широкое понятие, включающее в себя как защиту в материальном смысле, так и процессуальные вопросы. По мнению В. П. Грибанова, со стороны своей процессуальной формы право на защиту включает в себя, по крайней мере, три основные возможности:

1) возможность управомоченного лица обратиться с требованием о защите своего нарушенного права к компетентному государственному органу;

2) возможность пользоваться всеми предусмотренными законом правами и гарантиями во время рассмотрения его требования;

3) возможность обжалования, опротестования решения по делу, представляющегося, по мнению заявителя, неправильным [15].

Анализируя эффективность французского правосудия, Ф. Люшер утверждает, что право на защиту складывается из двух компонентов: свободный доступ к правосудию и право на обжалование состоявшихся решений в высших судебных инстанциях [16].

При этом право на защиту, будь то защита национальным или Европейским Судом по правам человека, следует рассматривать в единстве его материального содержания и процессуальной формы. В подтверждение этого можно привести цитату из сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса: «Судебный процесс и право так же тесно связаны друг с другом, как, например, формы растений связаны с растениями, а формы животных – с мясом и кровью животных. Один и тот же дух должен одушевлять судебный процесс и законы, ибо процесс есть форма жизни закона, а, следовательно, и проявления его внутренней жизни. А если судебный процесс сводится к одной только бессодержательной форме, то такая пустая формальность не имеет никакой самостоятельной ценности, ибо форма лишена всякой ценности, если она не есть форма содержания» [17].

Именно процессуальную сторону права на защиту рассматривает в своих публикациях адвокат Республики Молдова Т. Осояну, а также К. Дима, и Г. Потривицу – *Dreptul la apărare*, К. Олтяну – *Principiile siguranței persoanei*. В монографии *Despre dreptul și arta apărării* В. Дабу рассматривает «право на защиту» не только как совокупность процедурных прав и правил, которые могут быть использованы лицом для реализации защиты против предъявленных ему обвинений, но и как способность данного лица опровергнуть предъявленные обвинения и доказать их необоснованность [18]. С данной точкой зрения

согласен и Г. Аворник, определяющий право на защиту в его широком смысле как совокупность всех прав и процессуальных норм, предоставляющих лицу возможность защититься от обвинений, которые ему предъявляются, а также возможность опровергнуть выдвинутые обвинения и доказать свою невиновность [19].

Заслуживает внимания и определение сущности понятия «права на защиту», данное румынским автором монографии *Dreptul la apărare a învinutului și inculpatului* Н. Жидову: через признание и гарантию эффективной реализации права на защиту подсудимого, через представление его интересов адвокатом для защиты от обвинений, предъявленных прокурором, происходит гармонизация двух публичных интересов – обвинения и защиты [20]. Как справедливо отмечают некоторые ученые, будучи фундаментальным, конституционным правом, право на защиту более детально конкретизируется в законодательстве всех отраслей права. Право на защиту находит свое продолжение в таких нормативных актах, как УПК РМ, ГПК РМ, Кодекс РМ о правонарушениях, законы «Об адвокатуре», «О юридической помощи, гарантируемой государством», «О порядке возмещения ущерба, причиненного незаконными действиями органов уголовного преследования, прокуратуры и судебных инстанций», «О подаче петиций», «О медиации» и др.

В своей монографии «Судебная защита прав и свобод человека» В. П. Кашепов определяет судебную защиту как институт конституционного права, представляющий собой механизм реализации обязанности государства обеспечивать соблюдение прав и свобод человека, закрепленных в Конституции. Если же государство не выполняет данную обязанность, остается дополнительная гарантия защиты нарушенного права, не защищенного государством, – Европейский Суд по правам человека [21].

Наиболее последовательно и глубоко к изучению вопроса права на защиту подошел В. Михоч. В своей исследовательской работе (2007) автор описал наиболее важные теоретические и практические проблемы реализации права человека на защиту и юридическую помощь. Заслуживает поддержки мнение юри-

ста, акцентирующего внимание на том, что права гражданина, даже закрепленные в Конституции, остаются лишь простыми буквами на бумаге, если государством не предоставляются реальные гарантии реализации данных прав в жизни. В своей диссертации указанный автор рассматривает возникновение и эволюцию права на защиту, его содержание в различные исторические периоды, процесс становления права на защиту не просто как декларативного, а как конституционного [22]. Другой ученый приходит к выводу о том, что правовая защита, зародившаяся еще в древности и развивавшаяся на протяжении всей истории, представляет необходимый атрибут современного мира [23].

Конституционное право на защиту В. Михоч называет многогранным правом, которое пересекается с нормами уголовного, уголовно-процессуального, гражданского, гражданско-процессуального, финансового права и с нормами других правовых отраслей. По мнению автора, это право не только наполнено правовым содержанием, но и затрагивает многие экономические, социальные, культурные и другие аспекты. Ввиду этого данное конституционное право требует комплексного исследования специалистами из различных областей науки, особенно в ситуации, создавшейся в Румынии и Республике Молдова, где нормативная система находится в диссонансе между Конституцией, законами, другими нормативными актами и реальностью. В своей работе В. Михоч детально раскрывает основные элементы права на защиту, проводя сравнительный анализ между правом на защиту, регламентированным Конституцией Румынии (ст. 24), и правом на защиту, закрепленным Конституцией Республики Молдова (ст. 26) [24].

Вопросы реализации конституционного права на защиту еще недостаточно изучены в нашей стране. В области национального исследования можно перечислить целый ряд авторитетных ученых, среди которых И. Гучак, В. Попа, С. Кобэняну, А. Арсени, Т. Кырнац, А. Сосна, Б. Сосна, Д. Сырку. Такие выдающиеся профессора и доктора права Румынии, как И. Четерки, Т. Дрэган, И. Мурару, А. Иоргован, И. Леш, И. Сучава, И. Деляну, Г. Врабие, коснулись лишь некоторых аспектов конституционного права на защиту.

Одним из элементов права на защиту выступает право на получение квалифицированной юридической помощи, так как это право является элементом конституционного права на защиту – оказание юридической помощи. Данное право предоставляется Конституцией Республики Молдова частью 3 ст. 26, которая гласит: на протяжении всего процесса стороны имеют право пользоваться помощью адвоката, выбранного или назначенного. Без этого элемента конституционное право на защиту было бы невозможно реализовать в полной мере, так как зачастую юридически неосведомленному человеку сложно представлять свои интересы в суде без квалифицированного адвоката или защитника. Специалист проанализирует всю ситуацию по поводу нарушенных прав клиента, выработает стратегию и будет последовательно и грамотно ее воплощать во время взаимодействия с судебными и другими органами власти. Люди часто терпят поражение при осуществлении судебной защиты прав и интересов не потому, что они неправы в конкретной ситуации, а потому что они не знают, как юридически правильно надо защищать себя и своих близких. А когда речь идет о наднациональном уровне реализации права на защиту в Европейском Суде по правам человека, то это под силу далеко не каждому юристу или адвокату, не говоря уже о юридически неподготовленном человеке, не знакомым со сложным миром юриспруденции, которому сложно грамотно составить жалобу и защитить свое нарушенное право в суде.

Р. Кирица анализирует право на получение юридической помощи, гарантируемое Конвенцией. В то же время он анализирует и предоставленное обвиняемому право выбора: защищать себя лично, посредством выбранного им самим защитника или пользоваться услугами назначенного ему защитника при недостатке у него средств для оплаты его услуг [25].

Как уже было сказано выше, предметом жалобы в Европейский Суд по правам человека может быть только нарушение прав и свобод человека, гарантированных Конвенцией о защите прав человека и основных свобод и Протоколами к этой Конвенции, которые ратифицировала Республика Молдова.

Основные права и свободы человека гарантированы ст. 2-14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ст. 1, 2, 3 Протокола № 1 к Конвенции, ст. 1-4 Протокола № 4 к Конвенции, ст. 2-5 Протокола № 7 к Конвенции, ст. 1 Протокола № 13 к Конвенции.

Одни из самых главных прав человека является право на жизнь, которое гарантировано ст. 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Согласно пункту 1 ст. 2 Конвенции право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть намеренно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

Согласно пункту 2 ст. 2 Конвенции лишение жизни не рассматривается как совершенное в нарушение данной статьи, если оно является результатом применения силы, не более чем абсолютно необходимой:

- а. для защиты любого лица от противоправного насилия;
- б. для осуществления законного ареста или предотвращения побега лица задержанного на законных основаниях;
- с. в случае действий, предусмотренных законом, для подавления бунта или мятежа.

Парламент Республики Молдова законом № 272-XVI от 29.07.2006 года ратифицировал Протокол № 13 к Конвенции, запрещающий смертную казнь.

Так как принцип уважения человеческой жизни должен быть нормой в поведении органов государственной власти, Конвенция допускает лишь крайние меры вмешательства в ситуациях, которые могут привести к лишению жизни. Конвенция запрещает умышленное лишение жизни, предусматривая одновременно исключения, требующие узкого толкования.

Прежде всего речь идет о случае смертной казни, которая допускалась текстом Конвенции 1950 г. Данное положение должно считаться отмененным с момента вступления в силу Протокола № 6, ратифицированного большинством государств – участников Конвенции.

Как подчеркивается в решениях Суда, идея, предположительно общая для правовых систем стран Европы, состоит в том, что в современных условиях смертная казнь не вписывается в рамки правосудия, что нашло отражение в вышеназванном Протоколе.

Остаются случаи, предусмотренные п. 2 ст. 2 Конвенции, при которых возможно такое применение силы, которое может привести к непредумышленной гибели лица.

В связи с тем, что речь идет о самом серьезном посягательстве на достоинство и физическую неприкосновенность личности, Конвенция и практика Суда как бы окружили такое применение силы конкретными и весьма жесткими гарантиями. Последние касаются обстоятельств, при которых разрешается лишение жизни (для защиты любого лица от противоправного насилия, для осуществления законного задержания, для подавления бунта или мятежа), и условий, которые должны соблюдаться при этом. В частности, со стороны представителей государства требуется соблюдение очень жестких критериев соразмерности применения силы, когда она абсолютно необходима.

Процессуальная защита права на жизнь, предусмотренная ст. 2 Конвенции, подразумевает, что на представителей государства возложена обязанность давать отчет о действиях, повлекших смертельный исход. Эти действия должны быть подвергнуты публичному и независимому расследованию, которое позволит определить, было ли использование такой силы оправданным с учетом конкретных обстоятельств дела [26].

Пытки и действия, унижающие человеческое достоинство, запрещены (ст. 3), как и рабство (ст. 4).

Пытки являются одним из тяжелейших преступлений, применение пыток является одним из важнейших препятствий построению в Молдове демократического правового государства.

В Молдове огромная роль в предотвращении пыток принадлежит как национальным судам, так и Европейскому Суду по правам человека, основывающим свою деятельность на Конвенции о защите прав человека и основных свобод [27].

Статья 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года запрещает пытки, бесчеловечное

или унижающее достоинство обращение или наказание. Тем самым, при определении ответственности за вышеуказанное преступление, суд примет во внимание обстоятельства совершения преступления и личность виновного [28].

Сущность нарушений Конвенции, с точки зрения положений статьи 3, может быть оценено по следующим областям:

- условия заключения или обращения, которые считаются бесчеловечными или унижительными;
- жестокое обращение по отношению к заключенным;
- упущение национальных органов по реализации эффективного расследования жалоб заявителей относительно так называемых жестоких обращений со стороны полиции;
- непредставление основной медицинской помощи и отсутствие надлежащего медицинского обслуживания заключенных;
- другие формы жестокого обращения (обращение, которое покушается на достоинство лица);
- принудительное кормление заключенных и порядок его применения.

Наиболее часто применяются следующие виды пыток: изнасилование; пытки лишениями (лишения сна, пищи); принудительные позы; применение электрических разрядов; избиение; причинение увечий (порезы, уколы, выдирание и раны); принудительные инъекции; подвешивание, бросание, растягивание; применение медикаментов или нетерапевтических средств; ожоги; погружение в воду; воздействие на психику человека звуком, светом, запахом и т.д.; психологическая пытка (шантаж, угрозы, оговор и т.д.); подписание документов под угрозой принуждения; оскорбление или жестокое обращение в целом.

Важная роль в предотвращении пыток путем оказанию действенной юридической защиты нарушенных прав принадлежит Европейскому Суду по правам человека. Европейский Суд сделал следующее заявление общего характера: «Чтобы дурное обращение подпадало под действие ст. 3 Европейской Конвенции о правах человека, оно должно достигнуть минимального уровня жестокости. Оценка этого минимума, по природе вещей, имеет относительный характер; она зависит от обстоя-

тельств дела, таких как характер и контекст обращения, способ и метод его осуществления, его продолжительность, его физические или психические последствия и в некоторых случаях пол, возраст и состояние здоровья жертвы» [29].

Суд принял свыше 20 решений против Республики Молдова, в которых были установлены нарушения ст. 3 Конвенции.

Одновременно, относительно ссылок на нарушение статьи 3 Конвенции, Суд вынес 5 решений, которые признали недопустимыми требования заявителей и 2 решения об оставлении заявления без рассмотрения в результате мирного соглашения [30].

Например, по делу «Чорап против Молдовы» в своей жалобе Чорап, отбывающий срок, заявил о неудовлетворительных условиях содержания, проверке личной корреспонденции, о запрете на встречи с посетителями и отсутствии доступа к внутреннему регламенту пенитенциарного учреждения. Кроме того, Чорап, объявивший голодовку, пожаловался на принудительное кормление.

В решении Европейского Суда по правам человека говорится, что в отношении истца были нарушены статьи 3 («Запрещение пыток или бесчеловечного или унижающего достоинство обращения»), 6 («Право на справедливый суд»), 8 («Право на уважение частной и семейной жизни и корреспонденции»). За эти нарушения Европейский Суд постановил выплатить Чорап 20 тысяч евро в качестве компенсации морального вреда и 1150 евро – за судебные издержки [31].

Суд по делу Истратий и другие против Республики Молдова посчитал, что условия заключения заявителей, в частности, переполненность камер, недостаточное количество и качество подаваемой еды, отсутствие адекватного постельного белья и ограниченного доступа к дневному свету, а также и нехватка санитарных условий в камере заключения, является бесчеловечным и унижающим достоинство обращения согласно ст. 3 Конвенции [32].

Относительно дела Модырка против Республики Молдова Европейский Суд отметил, что заявитель был заключен в условиях крайней переполненности камер заключения с огра-

ническим доступом к дневному свету и к воде, в частности в ночное время, находясь в присутствии невыносимых запахов от туалета и был обеспечен недостаточным количеством и качеством пищи и белья. Кроме того, он должен был выдержать эти условия в течение почти девяти месяцев. По мнению Суда, кумулятивный эффект от вышеуказанных условий задержания и относительно длительного периода времени, в течение которого заявитель должен был их вынести, было нарушением ст. 3 Конвенции [32].

Европейский Суд постановил, что правительство Молдовы должно выплатить Владимиру Модыркэ 7 тысяч евро в качестве возмещения материального и морального ущерба и 1800 евро в качестве издержек на юридическую помощь.

По делу Палади против Республики Молдова Большая палата Суда отметила, что заявитель имел тяжелое состояние здоровья, которое было подтверждено рядом специалистов. Из обстоятельств дела ясно вытекает, что заявителю не была предоставлена медицинская помощь, надлежащая его состоянию здоровья. Большая палата подтвердила, что в части, что касается состояния здоровья заявителя и общего характера медицинской помощи, предоставленной заявителю во время заключения, обращение к заявителю не соответствовало статье 3 Конвенции [32].

В соответствии с решением ЕСПЧ, Молдова должна заплатить истцу 2080 евро в качестве материального ущерба, 15 тыс. евро – в качестве морального ущерба и 4 тыс. евро судебных издержек.

По делу Корсаков против Республики Молдова, при рассмотрении ссылок на ст. 3 Конвенции Суд отметил, в частности, интенсивность ударов, применяемых к заявителю, в результате которых он перенес очень серьезные травмы (истец был около 70 дней в больнице), последствия которых, как плохое обращение, имело влияние на его здоровье, в его ранние годы (17 лет на момент этих событий, факт сделавший его уязвимым перед его агрессором). Однако решающим элементом для определения жесткого обращения является применение так называемой *фалака* (нанесение ударов по ступням), которому был подвергнут заявитель.

При таких обстоятельствах Суд постановил, что применяемое полицией насилие в отношении заявителя было особенно тяжким, способным причинить сильную боль и жестокие страдания, которые могут рассматриваться как пытки в соответствии со статьей 3 Конвенции [32].

Что касается дела Пруняну против Республики Молдова, Суд счел, что Правительство не представило правдоподобных объяснений по отношению телесных повреждений заявителя и установил, что заявитель был подвергнут бесчеловечному и унижающему достоинство обращению во время пребывания его под стражей в полиции.

Таким образом, по мнению Европейского Суда, имело место нарушение статьи 3 Конвенции в связи с фактом применения бесчеловечного обращения к заявителю.

Николае Бойченко был арестован 20 мая 2005 года сотрудниками Центра по борьбе с экономическими преступлениями и коррупцией по подозрению в мошенничестве. Бойченко заявляет, что был избит ими, что, впоследствии, отрицательно сказалось на его состоянии здоровья. По делу Бойченко против Республики Молдова было отмечено нарушение ст. 3 Конвенции о защите прав человека. Подтверждено также нарушение ст. 5, пункт 1 – незаконное содержание под стражей. Суд обязал Республику Молдова выплатить Николае Бойченко 40 тысяч евро в качестве компенсации морального ущерба и 6823 евро на судебные издержки. Также, Суд распорядился, чтобы Республика Молдова обеспечила немедленный и неограниченный доступ врачей и адвокатов к Бойченко и к его медицинской карте [33].

В деле Колибаба против Республики Молдова, поскольку не было представлено никакое объяснение относительно происхождения черепно-мозговой травмы, с учетом презумпции, возникающей в таких вопросах, Суд пришел к выводу, что Правительство не смогло доказать, что данная травма заявителя была вызвана нечем другим, чем жестокое обращение во время его пребывания в полиции. Следовательно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции в связи с тем фактом, что заявитель был подвергнут жестокому обращению.

Конвенция категорически воспрещает содержание в рабстве или в подневольном состоянии (п. 1 ст. 4). Такой же запрет действует в отношении принудительного или обязательного труда (п. 2 ст. 4), но при этом Конвенция в п. 3 ст. 4 предусматривает закрытый перечень исключений.

Так как речь идет о статье, которая редко является предметом обращений заявителей, то, соответственно, незначительна и судебная практика по ней. Она относится лишь к некоторым аспектам труда, которые можно было бы квалифицировать как принудительные или обязательные, и направлена на то, чтобы ограничить действие исключений, предусмотренных по этому поводу Конвенцией.

В отношении понятия «принудительный или обязательный труд» Суд считает, что слово «принудительный» предполагает физическое или моральное принуждение. Что касается слова «обязательный», то оно не говорит о какой-либо обязанности юридического характера. Речь идет о выполнении работы под угрозой наказания, и более того, работы, противоречащей воле заинтересованного лица, на которую последний не давал своего согласия. Как можно констатировать в большинстве случаев, определяющим элементом является воля принуждаемого лица. Исключения, предусмотренные Конвенцией, призваны определить само содержание этого права, указав на то, что не считается принудительным или обязательным трудом.

В основе четырех ситуаций, описанных в п. 3 ст. 4 Конвенции, при всем их разнообразии, лежат главенствующие идеи всеобщего интереса, социальной солидарности и нормальности.

Важно отметить, что, заставляя трудиться лицо в условиях, предусмотренных п. 3 ст. 4, органы государственной власти должны следить, чтобы при этом не использовались критерии, которые могли бы рассматриваться как дискриминационные. Как показывает практика Суда, нормальный труд может оказаться аномальным, если выбор групп или индивидов, призванных его выполнять, продиктован дискриминационными соображениями.

Возникает вопрос, может ли отсутствие вознаграждения за труд, который обязано выполнять заинтересованное лицо в

рамках вышеуказанных (а значит, обязательных) исключений, иметь значение, при определении того, подпадает ли подобный труд под действие комментируемой статьи. Суд считает, что поскольку оплачиваемый труд также может принимать принудительный или обязательный характер, то отсутствие вознаграждения и возмещения расходов представляет собой элемент, который следует рассматривать с точки зрения нормальности или соразмерности [34].

Одной из основных целей Конвенции является защита свободы и неприкосновенности личности от произвольного ареста и заключения под стражу.

Статья 5 Конвенции (Право на свободу и личную неприкосновенность) распространяется на каждого. Всякое лицо, находящееся на свободе или под стражей, пользуется правом на защиту своей неприкосновенности, т. е. не быть или не оставаться лишенным свободы, кроме как при условии соблюдения требований п. 1 названной статьи, и, если оно оказалось задержанным или заключенным под стражу, пользоваться различными гарантиями, предусмотренными п. 2-5 ст. 5 Конвенции.

Отражая принцип *favor libertatis*, который буквально пронизывает Конвенцию, ее ст. 5 приводит исчерпывающий перечень обстоятельств, допускающих лишение свободы; этот перечень можно толковать лишь ограничительно.

Цель данной статьи – личная свобода в ее классическом понимании как физическая свобода личности. На практике обстоятельства, перечисленные в п. 1 ст. 5, не касаются простых ограничений на свободу передвижения, предусмотренных в соответствующей статье Протокола № 4.

Для того чтобы определить, лишен ли индивид свободы в смысле ст. 5, нужно исходить из конкретного положения, в котором он оказался, с учетом совокупности таких критериев, как характер, продолжительность, последствия и способы осуществления рассматриваемых мер. Таким образом, только учет всей совокупности перечисленных элементов применительно к конкретной ситуации, в которой оказалось заинтересованное лицо, позволяет оценить, идет ли речь о лишении свободы.

В практике Суда неоднократно отмечалась важность, которую право на свободу приобретает в демократическом обществе в том смысле, в каком оно понимается Конвенцией. В вопросах публичного порядка Совет Европы во всех случаях осуществляет тщательный контроль за любыми мерами, могущими нанести ему ущерб.

Как того требует принцип господства права – один из основополагающих принципов демократического общества, – возможные посягательства исполнительной власти на право индивида на свободу, гарантируемую ст. 5 Конвенции, должны быть объектом судебного контроля по внутреннему праву страны. Национальные судебные власти становятся, тем самым, первыми реальными защитниками свободы.

Для того чтобы лишение свободы оставалось в рамках Конвенции, оно должно отвечать двойному критерию:

- лишение свободы должно быть юридически законным согласно внутреннему праву страны;
- сверх этого оно должно быть правомерным в свете Конвенции, т. е. соответствовать обстоятельствам, составляющим исчерпывающий перечень п. 1 ст. 5.

Согласно позиции Суда Конвенция требует прежде всего правомерности заключения под стражу с соблюдением установленного законом порядка. В данном вопросе нормы Конвенции, отсылая главным образом к национальному законодательству, требуют, кроме того, чтобы всякое лишение свободы соответствовало назначению ст. 5 – защите личности от произвола.

Favor libertatis находит свое отражение в принципе, выраженном в ст. 5 и призванном ограничить власть государств по принятию мер, связанных с лишением свободы. Речь идет о принципе исчерпывающего характера обстоятельств, при которых индивид может быть лишен свободы. Другими словами, лишение свободы соответствует Конвенции только тогда, когда данная мера применяется в одной из ситуаций (всего их шесть), строго перечисленных в п. 1 ст. 5. Сказанное подтверждается Судом, когда он заявляет, что с оговоркой, предусмотренной ст. 15 Конвенции, и без ущерба для действия ст. 1 Протокола № 4

данный перечень носит ограничительный, закрытый характер, который допускает только узкое толкование, значительно сужающее имеющееся у государств поле для маневра.

Лишение свободы может вытекать из мер, вписывающихся в уголовный контекст (арест, задержание, содержание под стражей с целью исполнения наказания), или предусматриваться среди прочих обстоятельств, допускающих лишение свободы, но преследующих иные цели, нежели репрессия за противозаконные действия уголовного характера. Это обстоятельства лишения свободы, преследующие цели социальной защиты (например, в том, что касается душевнобольных) или охраны общественного порядка (например, задержание с целью высылки).

Строго в рамки уголовного права включаются два случая лишения свободы: один возникает в самом начале или по ходу процесса – это заключение под стражу, именуемое задержанием; другой – во исполнение обвинительного приговора [34].

Конвенция гарантирует право на справедливое судебное разбирательство (ст. 6) [35]. Это означает, что каждый человек имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Каждый человек, обвиняемый в совершении уголовного преступления, считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком [36].

Каждый человек, обвиняемый в совершении уголовного преступления, имеет как минимум следующие права: быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения; иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты; защищать себя лично или посредством выбранного им самим защитника или, если у него нет достаточных средств для оплаты услуг защитника, иметь назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия; допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право

на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него; пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке.

Каждый, кто стал жертвой ареста или задержания в нарушение Европейской Конвенции, имеет право на компенсацию.

Статья 6 Конвенции налагает на государство обязанность добиваться результата. Государства пользуются широкой свободой усмотрения в выборе средств, позволяющих их судебной системе соответствовать требованиям этой статьи. Средства, предлагаемые внутренним правом, должны в любом случае быть эффективными.

Для того чтобы определить, соответствует ли процесс принципам справедливого судебного разбирательства, судебная практика в своем толковании чаще всего использует метод глобальной оценки, основанной на том, что разнообразные гарантии, предусмотренные ст. 6 Конвенции, являются лишь гранями основополагающей гарантии справедливого судебного разбирательства. Так, требования п. 2 (презумпция невиновности) и п. 3 (конкретные права обвиняемого) этой статьи представляют собой элементы общего понятия справедливого судебного разбирательства, выраженного в ее п. 1.

По общему правилу Суд не занимается рассмотрением фактических или правовых ошибок, якобы совершенных национальным судом, кроме тех случаев, когда имеет место нарушение гарантии ст. 6 Конвенции.

Отсюда следует, что наднациональный контроль не может распространяться на обоснованность судебных решений. Суд не может, например, подвергнуть проверке обвинительный приговор на том основании, что национальный суд ошибся в оценке фактических обстоятельств дела. Контроль распространяется лишь на соответствие процедуры, которая привела к полученному результату, Конвенции. Следовательно, целью является соблюдение правил игры, а не материальное содержание решений национальных судов, которое, как таковое, не подлежит контролю Суда.

Статья 7 гарантирует наказание исключительно на основании закона. Гарантия, которой посвящена комментируемая статья, является важным элементом господства права и имеет ключевое значение в системе защиты прав, созданных Конвенцией. Статья 15 Конвенции не допускает каких-либо отступлений от нее ни во время войны, ни в случае иной угрозы общественному порядку. Статья призвана обеспечить эффективную защиту от произвола при уголовном преследовании, осуждении и наказании; она гарантирует основополагающие принципы уголовного права в демократической стране. Она подтверждает в общей форме принцип, согласно которому ответственность за правонарушения и наказания по уголовному праву должны основываться на законе (*nullum crimen, nulla poena sine lege*), и отрицает тем самым применение уголовного права по аналогии.

Следует уточнить, что понимается здесь под уголовным «правонарушением» и под «наказанием». В отношении первого понятия практика Суда исходит из того, что Конвенция, без сомнения, позволяет государствам самим определять границы уголовного права, но оставляет за Судом возможность автономного подхода к этому понятию. Аналогичные соображения применимы к понятию «наказание», которое также может иметь автономное значение. Для обеспечения эффективности защиты, предоставляемой ст. 7 Конвенции, Суд должен быть свободен в оценке конкретной меры наказания по существу, т. е. является ли она «наказанием» в смысле Конвенции.

Государства-участники свободны пресекать с помощью мер уголовного права действия, выходящие за рамки нормального осуществления какого-либо из прав, охраняемых Конвенцией, объявив их уголовно наказуемым правонарушением, совершенным по умыслу либо неосторожности.

Такое правонарушение должно быть четко определено в законе. Данное условие считается выполненным, когда обвиняемый имеет возможность узнать из текста соответствующих правовых норм, или в случае необходимости, при помощи толкования, данного судебными решениями, какие именно действия либо бездействие влекут его уголовную ответственность [37].

Согласно ст. 7 никто не может быть осужден за какое-либо уголовное преступление на основании совершения какого-либо действия или за бездействие, которое, согласно действовавшему в момент его совершения национальному или международному праву, не являлось уголовным преступлением. Не может также налагаться наказание более тяжкое, нежели то, которое подлежало применению в момент совершения уголовного преступления.

Право на уважение частной и семейной жизни закреплено в статье 8 [38]. Данное право включает в себя уважение личной и семейной жизни человека, неприкосновенности его жилища и тайны корреспонденции [39].

Основная цель данной статьи – защита индивида от произвольного вмешательства органов государственной власти в его личную и семейную жизнь, но она не ограничивается тем, что обязывает государство воздерживаться от подобного вмешательства. Суд считает, что к этой обязанности, носящей скорее негативный характер, следует добавить позитивные обязательства, призванные обеспечить действительное уважение прав, гарантированных статьей.

Однако понятию «уважение», на котором основывается такой подход, не хватает четкости. В решениях Суда указывается, что, устанавливая позитивное обязательство, нужно учитывать необходимость справедливого равновесия между интересами общества и индивида, а также меру усмотрения государства в сфере действия ст. 8 Конвенции.

Важную роль при решении вопроса о наличии или отсутствии посягательства на уважение прав, являющихся предметом рассмотрения, играет соблюдение требований процедуры. Если имело место вмешательство со стороны государства, то, хотя ст. 8 Конвенции и не выдвигает каких-либо определенных условий процессуального характера, тем не менее необходимо, чтобы процесс принятия решения, приведший к осуществлению мер государственного вмешательства, носил справедливый характер и уважал интересы, охраняемые ст. 8 [40].

Конвенция гарантирует свободу мысли, совести и религии (ст. 9) [41]. Свобода мысли, совести и религии, охраняемая ст. 9

Конвенции, представляет собой одну из основ демократического общества в смысле Конвенции и играет видную роль в его религиозном измерении, присутствует среди наиболее существенных элементов самоидентификации верующих, их представления о жизни. Она является бесценной также для атеистов, агностиков, скептиков или тех, кто безразличен к вопросам религии. Из нее проистекает завоеванный дорогой ценой в течение веков плюрализм, свойственный демократическому обществу.

Эта свобода включает, в частности, свободу исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять или не отправлять религиозные обряды.

Пытаясь очертить содержание данного права, Суд неоднократно подчеркивал, что, если свобода религии является производной от свободы совести, она включает, сверх того, право демонстрировать свои религиозные убеждения.

Важным аспектом свободы религии, подчеркиваемым практикой Суда, является свобода менять свою религию. Свобода исповедовать свою религию осуществляется не только коллективным способом, «на публике», в кругу тех, кто разделяет эту веру, но и в одиночестве, в частном порядке. Кроме того, она, в принципе, включает в себя право пытаться убедить своего ближнего, например, с помощью обучения. Суд напоминает, что если бы это было не так, то свобода менять свою религию или убеждения рисковала бы остаться мертвой буквой закона.

Статья 9 Конвенции перечисляет различные формы, которые может принимать проявление вероисповедания или убеждений, а именно богослужение, обучение, отправление религиозных и культовых обрядов. Однако следует подчеркнуть, что данное право защищает не всякие действия, мотивированные или инспирированные религией либо учреждениями.

Основополагающий характер прав, гарантированных ст. 9, воплощается в способе, каким формулируются ограничения. Указанные ограничения могут быть направлены только на свободу проявления своих религиозных или иных убеждений. Отсюда следует вывод, что в демократическом обществе, где население исповедует различные религии, может понадобиться

снабдить эту свободу такими ограничениями, которые были бы способны примирить интересы различных групп и обеспечить уважение убеждений каждого.

В области исповедания религии основополагающим принципом является толерантность, проявляемая и в отношении к критике, иногда весьма острой, в адрес того или иного религиозного учения. Как подчеркивает Суд, те, кто сделали выбор в пользу свободы своего вероисповедания, независимо от того, принадлежат ли они к религиозному большинству или меньшинству, не могут разумно ожидать, что будут защищены от всякой критики. Они должны быть толерантны и принимать то, что другие отвергают их религиозные убеждения и даже распространяют враждебные их вере учения. Однако в зависимости от того, каким образом религиозные убеждения и учения делаются объектом критики или отрицания, может наступить или нет ответственность государства, в частности в том, что касается обеспечения возможности мирного осуществления права, гарантированного ст. 9.

Из принципа свободы религии вытекает право на убеждение своего ближнего. Однако ст. 9 берет под защиту лишь «добросовестный» прозелитизм и не распространяется на недобросовестный прозелитизм, в виде деятельности, предлагающей материальные либо социальные блага, или оказания противозаконного давления с целью добиться присоединения к церкви [42].

Конвенция гарантирует свободу выражения мнения (ст. 10). Право свободно выражать свое мнение также включает свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны государственных органов и независимо от государственных границ [43].

Право, гарантированное ст. 10, касается всех видов и способов выражения мнений. Оно распространяется на художественное самовыражение и коммерческую информацию. Согласно известной формуле, которая часто воспроизводится в решениях Суда, свобода самовыражения составляет одну из фундаментальных основ демократического общества, является важнейшим условием для его прогресса и расцвета личности

каждого. Это справедливо не только по отношению к информации или идеям, которые встречают благосклонный прием или рассматриваются как безобидные или безразличные, но также и к тем, которые оскорбляют, шокируют или беспокоят. Таковы требования плюрализма, терпимости и широты взглядов, без которых нет демократического общества. Отсюда следует, что ограничения свободы выражения мнения, предусмотренные п. 2 ст. 10, подлежат узкому толкованию, а необходимость государственного вмешательства должна быть убедительно установлена.

Кроме того, ст. 10 защищает не только содержание идей и информации, но и способ их распространения, свободу получать и сообщать информацию и идеи, что позволяет участвовать в идущем в обществе обмене культурной, политической, социальной информацией любого рода. Согласно позиции Суда те, кто создают, исполняют, распространяют или выставляют произведения искусства также содействуют обмену идеями и мнениями, что необходимо для демократического общества. Поэтому на государство возлагается обязанность не стеснять свободу самовыражения без должных к тому оснований. Что касается информации коммерческого характера, то, в принципе, она не должна быть исключена из сферы действия ст. 10 Конвенции.

Судебная практика подчеркнула особую важность свободы слова в ее политическом аспекте и, в частности, для парламентариев, находящихся в оппозиции. Свобода слова имеет исключительную ценность для народного избранника, так как он представляет своих избирателей и защищает их интересы. Поэтому вмешательство в осуществление свободы слова парламентариями от оппозиции требует от Суда самого пристального контроля.

Принципы свободы слова приобретают очень большое значение для прессы, которая играет видную роль в правовом государстве. При условии соблюдения лежащего на ней долга и ответственности пресса имеет право сообщать любую информацию и идеи, представляющие общественный интерес.

К этой функции добавляется право общества на получение подобной информации. Иными словами, пресса должна стоять на страже прав и свобод в обществе.

В судебной практике многократно отмечалась важность плюрализма в области прессы, высшим гарантом которого выступает государство. Плюрализм имеет особое значение для аудиовизуальных средств информации, чьи программы распространяются в огромных масштабах. Суд подчеркивал, что из всех средств обеспечения свободы слова и плюрализма государственная монополия налагает наиболее серьезные ограничения на свободу слова.

Свобода печати предоставляет гражданам одно из лучших средств ознакомиться с идеями и позициями политических руководителей, судить о них. Она позволяет каждому приобщиться к свободе политической дискуссии. Свободная игра политических сил составляет сердцевину самого понятия демократического общества, которое пронизывает весь текст Конвенции [44].

Статья 11 закрепляет свободу собраний и объединений. Комментируемая статья фактически включает два самостоятельных права, относящихся к категории гражданских (политических) свобод, а именно: а) свободу мирных собраний, уличных шествий и демонстраций; б) свободу ассоциации (объединения) с другими людьми, нередко именуемую свободой союзов.

Практика Европейского Суда неизменно исходит из того, что комментируемая статья прочно взаимосвязана со ст. 10 Конвенции, гарантирующей свободу слова. Суд неоднократно указывал, что «несмотря на автономную роль и особую сферу применения, ст. 11 должна также рассматриваться в свете ст. 10. Защита мнений и свобода выражать их – одна из целей свободы собрания и создания ассоциаций» [45].

Статья 12 закрепила право на вступление в брак.

Статья 13 гарантирует право на эффективное средство правовой защиты [46]. Статья 13 определяет принципиальный подход создателей Конвенции и позицию Суда по вопросу о том, каким образом должно осуществляться субъективное право на защиту от противоправных покушений на права и свободы, защищаемые Конвенцией, со стороны государств-участников.

Конвенция и Суд исходят при осуществлении своей правоохранительной миссии из принципа субсидиарности Суда. Это оз-

начает, что главным, решающим звеном, от которого зависит в первую очередь защита прав человека, является национальный суд, который более компетентен рассматривать и решать проблемы, возникающие непосредственно в данной стране и разрешаемые на основе национального закона в соответствии с условиями и традициями, свойственными национальной правовой системе. Статья 13 Конвенции одновременно обращает внимание на то, что Суд сохраняет за собой право контроля за наличием эффективных мер правовой защиты. Его вмешательство необходимо и возможно только в том случае, если такая система эффективных мер отсутствует либо остается нереализуемой.

Суд не сформулировал в своих решениях требование, согласно которому только рассмотрение дела в национальном суде может квалифицироваться как эффективное средство правовой защиты. Вместе с тем суд отметил, что полномочия и процедурные гарантии какого-либо органа, осуществляющего разбирательство жалобы, служат фактором, который должен учитываться при определении эффективности правовой защиты.

Статья 13 Конвенции рассчитана на ситуацию, когда предполагаемое нарушение прав и свобод, провозглашенных Конвенцией, имело место со стороны публичных властей. Она предусматривает возможность эффективной защиты от этих нарушений путем обращения к компетентным национальным органам. Поскольку, согласно общей концепции Конвенции, защита прав, ею гарантированных, осуществляется государствами-участниками, то совершенно очевидно, что в ст. 13 речь идет, во-первых, именно о случае такого нарушения со стороны публичной власти и, во-вторых, о создании эффективной системы средств защиты от такого рода нарушений. Каждое государство-участник Конвенции самостоятельно решает вопрос, какие именно формы и средства защиты надлежит использовать в данном случае. Конвенция лишь подтверждает наличие права на эффективную защиту, которым обладает каждый, кто предположительно потерпел в результате нарушения субъективных прав, закрепленных в разд. I Конвенции и соответствующих протоколах. Речь не идет в данном случае о праве на обраще-

ние в Суд. Это право вытекает из других статей Конвенции. В статье 13 подтверждается право на обращение в национальные инстанции и обязанность государства выстроить такую систему защиты прав человека, которая позволила бы эффективно осуществлять каждому право на эту защиту. Что же касается Суда, который стоит на страже осуществления Конвенции, то в его компетенцию не входит отслеживание национальной процедуры по существу, а лишь в случае поступления жалобы по ст. 13 установление того, имело ли место эффективное осуществление права на защиту нарушенных прав перед лицом национальных инстанций, обеспечено ли это право соответствующим правовым инструментарием.

Статья 13 носит в известной мере процессуальный характер. Она закрепляет и гарантирует право подачи жалобы в компетентную национальную инстанцию в случае, если заявитель считает, что его права, защищаемые Конвенцией, нарушены. Каким именно органом или должностным лицом совершено данное нарушение, не имеет существенного значения. Однако сама Конвенция обращает внимание на то, что подача жалобы в целях отыскания средств правовой защиты перед государственным органом может иметь место и в том случае, если это нарушение совершено должностными лицами, действовавшими в официальном качестве.

Приведенная формулировка уточняет положение о том, в связи с чем может приноситься жалоба по ст. 13. Совершенно очевидно, что главными адресатами ст. 13 выступают государство и его институты, администрация. Уточнение, которое вносит ст. 13, заключается в том, что обжалование может иметь место, когда должностное лицо действует *ex-officio*, т. е. осуществляя непосредственно свои должностные полномочия и даже действуя в пределах предоставленной ему компетенции [47].

Пользование правами и свободами, признанными в Конвенции, должно быть обеспечено без какой-либо дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинст-

вам, имущественного положения, рождения или любым иным обстоятельствам (ст. 14).

Комментируемая статья занимает особое место в системе прав и свобод, защищаемых Конвенцией. При всей ее важности она не имеет самостоятельного значения в том смысле, что ее применение возможно только в тех случаях, когда речь идет о нарушении прав и свобод, гарантированных Конвенцией, и вне связи с каким-либо из этих прав и свобод самостоятельный вопрос о дискриминации не может быть поставлен перед Судом; в качестве отдельно взятой ст. 14 не применяется. В классификации рассмотренных Судом дел в графе «статья 14» вместо перечисления конкретных дел обычно стоит латинский термин «parsim», что в дословном переводе означает «здесь и там», т. е. в делах по другим статьям Конвенции.

Вместе с тем Суд неоднократно подчеркивал, что, дополняя другие нормы Конвенции, комментируемая статья обеспечивает заинтересованным лицам защиту от всех видов дискриминации при осуществлении прав и свобод, защищаемых Конвенцией. Мера, которая сама по себе находится в соответствии с требованиями статьи, закрепляющей соответствующее право или свободу, может поэтому оказаться нарушением данной статьи, взятой в сочетании со ст. 14, по причине дискриминационного характера этой меры.

В таком аспекте ст. 14 образует некую неотъемлемую часть других статей Конвенции, каждая из которых гарантирует определенное право. В решениях Суда эта взаимосвязь выражена формулой: «о нарушении статьи такой-то в сочетании со ст. 14». Если по обстоятельствам дела на первом плане оказывается вопрос о дискриминации, то формула переворачивается: «о нарушении ст. 14 в сочетании со статьей такой-то». Но это редкий случай, а самый распространенный – применение выработанного судебной практикой правила, согласно которому вопрос о нарушении ст. 14 не рассматривается, если ранее Суд уже констатировал нарушение основной статьи, по которой принесена жалоба [48].

Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод не только провозгласила основополагающие права чело-

века, но и создала особый механизм их защиты. Первоначально этот механизм включал три органа, которые несли ответственность за обеспечение соблюдения обязательств, принятых на себя государствами – участниками Конвенции: Европейскую Комиссию по правам человека, Европейский Суд по правам человека и Комитет Министров Совета Европы. С 1 ноября 1998 г. (по вступлении в силу Протокола № 11) первые два из этих органов были заменены единым, постоянно действующим Европейским Судом по правам человека.

Ратификация Молдовой Конвенции позволяет всем лицам, находящимся под ее юрисдикцией, обращаться в Европейский Суд, если они считают свои права нарушенными (только те права, которые провозглашает Конвенция).

Анализ судебной практики Республики Молдова и Европейского Суда по правам человека свидетельствует о том, что основные права и свободы граждан Республики Молдова продолжают безнаказанно нарушаться судьями, прокурорами, чиновниками министерств и примэрий и судебными исполнителями.

Так, жительница Страшенского района в возрасте 64 лет в июне 2012 года была изнасилована её соседом.

Суд Страшень приговорил насильника к 3 годам лишения свободы и взыскал с него 3000 лей компенсации ущерба. Апелляционная палата Кишинева частично отменила приговор суда Страшень, изменив меру наказания на условный срок, и насильник, вина которого была доказана, был освобожден.

Жертва насилия 21.02.2014 года подала жалобу в Европейский Суд по правам человека, в которой указала, что в нарушение ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод она подверглась жестокому и унижающему достоинство обращению, виновник которого не понёс наказания, соответствующего тяжести совершенного преступления. Насильник, оказавшись на свободе, продолжает запугивать жертву изнасилования.

Европейский Суд по правам человека 02.05.2017 года сообщил Правительству Республики Молдова о жалобе жертвы изнасилования и, учитывая очевидные нарушения её прав, предложил Правительству Республики Молдова выплатить заявительнице 7500 евро в качестве компенсации морального и материального ущерба, а также судебных издержек.

Правительство Республики Молдова и заявительница 20.07.2018 года заключили мировое соглашение, обязывающее Правительство Республики Молдова выплатить заявительнице 7500 евро. Европейский Суд по правам человека 11.10.2018 года вынес решение об исключении рассмотрения жалобы заявительницы, т.к. мировое соглашение обязало Правительство Республики Молдова выплатить ей справедливую компенсацию 7500 евро. Следует отметить, что в Европейском Суде по правам человека находятся жалобы граждан Республики Молдова, поданные в 2005-2015 годах, но до сих пор не рассмотренные по существу.

Одной из основных причин нарушения прав и основных свобод человека в Республике Молдова является несовершенство законов.

Государство возмещает материальный и моральный ущерб, причиненный физическим и юридическим лицам нарушением их прав и свобод. Очевидно, что данный ущерб причинён противоправными деяниями конкретных судей, прокуроров, судебных исполнителей. Данных виновных следовало бы привлечь к ответственности в порядке регресса за причиненный по их вине государству ущерб.

Однако не принят закон о материальной ответственности судей, прокуроров и судебных исполнителей за ущерб, причиненный государству их незаконными деяниями.

В результате судьи, прокуроры, судебные исполнители, причинившие государству ущерб, остались безнаказанными.

Например, Министерство юстиции Республики Молдова предъявило регрессный иск о взыскании с судей суда Кишинэу, Апелляционной палаты Кишинева 17150 евро, суммы которая была взыскана с Республики Молдова решением Европейского Суда по правам человека от 28.01.2014 года. Данный иск был отклонен всему судебными инстанциями Республики Молдова.

Высшая судебная палата Республики Молдова определением от 20.06.2018 года признала недопустимой кассационную жалобу Министерства юстиции Республики Молдова о взыскании с судей Апелляционной палаты Кишинэу 245000 лей, оставив без изменений определение об отказе в иске.

Определением от 12.09.2018 года Высшая судебная палата Республики Молдова признала недопустимой кассационную жалобу Министерства юстиции Республики Молдова на отказ взыскать с прокуроров 201200 лей ущерба.

Свои решения (определения) судебные инстанции мотивировали тем, что судьи и прокуроры могут быть привлечены к материальной ответственности только в случае, если их вина будет подтверждена вступившим в законную силу приговором суда.

Учитывая вступившие в силу судебные решения об отказах в удовлетворении регрессных исков против судей и прокуроров, по вине которых государству был причинен материальный ущерб, и постановление Конституционного суда Республики Молдова от 25.07.2016 года, представитель Республики Молдова в Европейском Суде по правам человека передал Генеральной прокуратуре Республики Молдова 61 дело, проигранное Республикой Молдова в период с 2015 по 2017 годы.

В список судей и прокуроров, по вине которых в Европейском Суде по правам человека было проиграно 61 дело, были включены также судьи и прокуроры, против которых в 2016 году выступало Министерство юстиции Республики Молдова. Представитель Правительства РМ в Европейском Суде по правам человека просил возбудить уголовные дела против судей и прокуроров, по вине которых Республика Молдова проиграла 61 дело в Европейском Суде по правам человека в период с 2015 года по 2017 год. Его заявление о возбуждении уголовных дел против судей и прокуроров, поданное в марте 2018 года, пока осталось без ответа.

По нашему мнению, Парламенту Республики Молдова следует принять закон о материальной ответственности судей, прокуроров и судебных исполнителей за ущерб, причиненный их незаконными деяниями (действиями или бездействиями). Данный закон должен содержать основания, условия, порядок и сроки привлечения судей, прокуроров и судебных исполнителей к материальной ответственности. В законе должны быть установлены виды материальной ответственности (ограниченная или полная, долевая или солидарная). Европейский Суд по правам человека 30.10.2018 года постановил, что Республика

Молдова нарушила ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, т.к. длительно расследует факты жестокого обращения, имевшие место в апреле 2009 года. В данном случае следовало бы учесть сроки давности уголовного преследования, истечение которых не позволяет применить наказание, а также то, что сотрудники полиции подвергались нападениям и оскорблениям со стороны «потерпевших».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Официальный монитор РМ № 107-109 от 01.07.2011 г.
2. Официальный монитор РМ № 54-55 от 21.08.1997 г.
3. Официальный монитор РМ № 78 от 29.03.2016 г.
4. Сосна А. Современные правовые аспекты защиты конституционных прав граждан Молдовы. Обучение правам человека: Сборник статей. Комрат, 2017 г., стр. 231.
5. Сосна А. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Европейский Суд по правам человека. Комрат, 2017 г., стр. 13.
6. Самович Ю. В. Становление института защиты прав и свобод индивида в международном праве // Международное право и права человека. 2006. № 1, стр. 2.
7. Блинова И. А. Институт защиты прав человека. Волгоград, 2007, стр. 24.
8. Gurin C., Creangă I. Drepturile și libertățile fundamentale. Sistemul de garanții. Chișinău, 2005, p. 268.
9. Кырнац Т. Юридическая защита прав человека. Кишинэу, 2005, стр. 48.
10. Muraru I., Iancu Gh. Drepturile, libertățile și îndătoririle constituționale. București, 1992, p. 44.
11. Ковалев Н. М. Самозащита как межотраслевой комплексный институт // Научные труды Российской Академии юридических наук. Вып. 5. Т. 1. Москва, 2005, стр. 129.
12. Gurin C., Creangă I. Указ. соч., 2005. p. 273.
13. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. Москва, 2000, стр. 104.
14. Muraru I., Iancu Gh. Drepturile, libertățile și îndătoririle constituționale. București, 1992, p. 39-40.
15. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. Москва, 2000, стр. 105.
16. Люшер Ф. Конституционная защита прав и свобод личности. Москва, 1993, стр. 287.

17. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинение. Том 1. Москва, 1954, стр. 158.
18. Dabu V. Despre dreptul și arta apărării. București, 1994, p. 9.
19. Avornic Gh. Mijloacele procesuale de asigurare a dreptului la apărare într-un stat democratic și de drept. B: Revista Națională de Drept, 2004, № 8, p. 25.
20. Jidovu N. Dreptul la apărare a învinutului și inculpatului. București, 2004, p. 7.
21. Кашепов В. П. Судебная защита прав и свобод граждан. Москва, 1999, стр. 2.
22. Mihoci V. Probleme teoretice și practice privind realizarea dreptului fundamental al omului la apărare și asistența juridică. Autoreferat al tezei de doctor în drept. Chișinău, 2007, p. 21.
23. Luke Clements, Nuala Mole, Alan Simmons. Drepturile Europene ale omului: înaintarea unei cauze pe baza Convenției. București, 2005, p. 36.
24. Mihoci V. Consacrarea constituțională a dreptului la apărare în Constituțiile României și Republicii Moldova. B: Revista Națională de Drept, 2004, № 12, p. 21.
25. Chirița R. Convenția europeană a drepturilor omului. Comentarii și explicații. București, 2007, p. 426.
26. Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения / Под общ. ред. д. ю. н., проф. В. А. Туманова и д. ю. н., проф. Л. М. Энтина. Москва, 2002, стр. 18-19.
27. Москаленко К. А. Европейский Суд по правам человека. В: Юридический консультант, 1998, № 1, стр. 48-52.
28. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод. СПб., 1996, стр. 3.
29. Кордула Дрëге. «Поистине лейтмотив...»: запрещение пыток и других форм дурного обращения в международном гуманитарном праве. В: Международный журнал Красного Креста, 2007, Том 89, № 867.
30. Письменные ответы правительства Молдовы на перечень вопросов (CAT/C/MDA/Q/2), подлежащих обсуждению в связи с рассмотрением второго периодического доклада Молдовы [14 сентября 2009 года]. www2.ohchr.org/english/bodies/cat/docs/AdvanceVersions/CAT-C-MDA-Q2-Add1_ru.pdf
31. Чорап против Молдовы: Постановление от 19 июня 2007 г. В: Бюллетень Европейского Суда по правам человека, 2008, № 1, стр. 16-18.
32. Письменные ответы правительства Молдовы на перечень вопросов (CAT/C/MDA/Q/2), подлежащих обсуждению в связи с рассмотрением второго периодического доклада Молдовы [14 сентября 2009 года]. www2.ohchr.org/english/bodies/cat/docs/AdvanceVersions/CAT-C-MDA-Q2-Add1_ru.pdf

33. Бойченко против Молдавии: Постановление от 11 июля 2006 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2007, № 2, стр. 19-21.
34. Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения, стр. 43-44.
35. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод. СПб., 1996, Ст. 6.
36. Влах И. Ф., Боршевский А. П. Указ. соч., стр. 104.
37. Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения, стр. 120.
38. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод. СПб., 1996, Ст. 8.
39. Влах И. Ф., Боршевский А. П. Права человека: Учебно-методические рекомендации. Комрат, 2011, стр. 104.
40. Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения, стр. 128-129.
41. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод. СПб., 1996, Ст. 9.
42. Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения, стр. 148-149.
43. Влах И. Ф., Боршевский А. П. Указ. соч., стр. 105.
44. Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения, стр. 164-165.
45. Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения, стр. 186.
46. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод. СПб., 1996, Ст. 13.
47. Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения, стр. 205-208.
48. Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения, стр.208

Alexandr SOSNA, *doctor in drept*